

RU

Языковые механизмы конструирования социальной реальности в народной песенной традиции: лингвокультурологический аспект (на материале песен села Красный Яр Уфимского района)

Кобыскан А. С., Самситова Л. Х.

Аннотация. Цель исследования – получить систематизированное представление о лингвокультурологических аспектах языковых механизмов конструирования социальных норм, властных отношений и моделей социальности в текстах народных песен села Красный Яр Уфимского района Республики Башкортостан, выявив их связь с дискурсивными и социальными практиками локальной общины. В статье рассмотрена специфика критического дискурс-анализа (КДА) в традиции Н. Фэрклоу как инструмента лингвистического анализа, связывающего языковые особенности текста с социокультурным контекстом. Предметом изучения выступают лексическо-семантические, синтаксические и дискурсивные средства, участвующие в репрезентации социальных иерархий и идентичностей. Научная новизна исследования заключается в первом опыте интеграции классической методологии КДА и лингвокультурологического инструментария с корпусом народных песен конкретной локальной традиции, что позволяет перейти от филологического и этнографического описания к анализу фольклора как активной дискурсивной практики, транслирующей социальную реальность. В результате систематизированы ключевые дискурсы, репрезентированные в песнях: дискурс патриархальной власти, дискурс социальной стратификации и дискурс взаимодействия общины с внешними институтами; определена роль народной песни как инструмента символического поддержания порядка и артикуляции скрытого социального напряжения.

EN

Linguistic mechanisms of constructing social reality in the folk song tradition: linguistic and cultural aspect (based on the songs of the village of Krasny Yar, Ufa District)

A. S. Kobyskan, L. K. Samsitova

Abstract. The aim of the study is to gain a systematic understanding of the linguocultural aspects of the linguistic mechanisms that construct social norms, power relations, and models of sociality in the folk song texts of the village of Krasny Yar, Ufa District, Republic of Bashkortostan, revealing their connection to the discursive and social practices of the local community. The article examines the specifics of critical discourse analysis (CDA) in the tradition of N. Fairclough as a tool for linguistic analysis that links the linguistic features of a text with its sociocultural context. The subject of the study comprises lexical-semantic, syntactic, and discursive means involved in the representation of social hierarchies and identities. The novelty of the research lies in the first attempt to integrate the classical methodology of CDA and linguocultural tools with the corpus of folk songs from a specific local tradition, which allows moving from a philological and ethnographic description to an analysis of folklore as an active discursive practice that transmits social reality. As a result, the key discourses represented in the songs have been systematized: the discourse of patriarchal power, the discourse of social stratification, and the discourse of the community's interaction with external institutions; the role of folk songs as a tool for the symbolic maintenance of order and the articulation of latent social tensions has been determined.

Введение

Современная лингвистика характеризуется углубленным интересом к изучению языка как носителя культурных смыслов и социальных практик. Тексты народных песен долгое время рассматривались как продукт

устного народного творчества или, с позиций фольклористики, как объект научной классификации. В условиях современных реалий сегодня все чаще тексты такого жанра, наравне с текстами литературных произведений, становятся предметом лингвокультурологического анализа, направленного на выявление взаимосвязи языковых форм, дискурсивных стратегий и культурных концептов. Отметим, что в рамках данного исследования термин «дискурс» мы рассматриваем с точки зрения социолингвистики и определяем его как «обращение в рамках определенной коммуникативной сферы» (Серио, 1999, с. 26-27). Методологический потенциал критического дискурс-анализа (далее – КДА), в частности в его социально-ориентированной версии Н. Фэрклоу, в сочетании с лингвокультурологическим подходом представляется исключительно продуктивным для исследования народной песенной традиции. КДА позволяет рассматривать язык как элемент социальной практики, участвующий в конструировании и воспроизводстве культурных норм, идентичностей и властных отношений, а лингвокультурология – выявлять национально-специфические семантические компоненты, культурные коды и концепты, закрепленные в языке.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, повышением внимания к традиционному обществу и традиционным ценностям, что подтверждается действием Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>), и, с другой стороны, потребностью современного языкознания в интегративных подходах, способных преодолеть разрыв между формальным лингвистическим описанием текста и его культурно-социальной интерпретацией. В условиях роста интереса к дискурсивным практикам и социальной роли языка, в том числе воплощенным в фольклорном тексте, возникает необходимость разработки и апробации методики, соединяющей аппарат критического дискурс-анализа с лингвокультурологическим инструментарием, которая определяется задачей перехода от констатации содержания фольклорных текстов к анализу их роли в аккумулировании, воспроизводстве и символическом преодолении социальных отношений и их особенностей.

Проблема исследования заключается в том, что традиционные подходы к изучению фольклорных текстов зачастую не позволяют выявить, *как именно* через конкретные языковые средства (лексику, синтаксис, стилистические приемы) вербализуются и легитимируются культурные концепты, социальные иерархии и модели поведения.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- осуществить систематизацию корпуса песенных текстов из села Красный Яр, репрезентативно отражающих ключевые темы и лингвистические особенности;
- провести многоуровневый лингвистический анализ отобранных текстов, направленный на выявление лексических, синтаксических и иных языковых средств, участвующих в легитимации социальных иерархий и идентичностей;
- выявить и классифицировать доминирующие культурные концепты и дискурсивные стратегии, определяющие модели социальных отношений и ценностные ориентиры в песнях;
- интерпретировать выявленные языковые паттерны в контексте конкретных дискурсивных практик, в т. ч. условий исполнения, и широкого социально-исторического контекста общины.

Методы исследования были подобраны в соответствии с решаемыми задачами. Для анализа языковой структуры текстов и выявления средств легитимации применялись методы семантического, синтаксического и стилистического анализа. Для систематизации культурных концептов и дискурсивных стратегий использовались методы лингвокультурологического анализа: доминантный анализ для выявления частотной и статусной лексики, компонентный анализ для выявления культурно-маркированных лексем и фразеологизмов, кластерный анализ для объединения различных характеристик того или иного фрагмента картины мира в единый сегмент, а также концептуальный анализ для реконструкции ключевых культурных концептов. Для решения задачи интерпретации в дискурсивном и социальном контексте была применена трехуровневая модель критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу, позволившая связать лингвистические особенности текста с условиями его бытования и широкими социальными практиками.

Материалами исследования послужили 16 текстов русских народных песен села Красный Яр Уфимского района Республики Башкортостан, охватывающих жанры баллад, лирических и плясовых песен.

Теоретической основой исследования послужили, прежде всего, идеи Н. Фэрклоу (Fairclough, 1995) о трехмерной модели анализа, связывающей текст, дискурсивную практику и социальную практику. Для лингвокультурологического ракурса ключевыми стали работы В. А. Масловой (2004), Ю. С. Степанова (2000), посвященные взаимосвязи языка и культуры, структуре культурных концептов. Не менее важное значение имели идеи М. Фуко (2010) о неразрывной связи власти, знания и дискурса, позволившие концептуализировать дискурс как систему формирования социальной реальности и инструмент контроля над ней. Для понимания механизмов легитимации власти через язык важное значение имела концепция «символического насилия» П. Бурдьё (Бурдьё, Пассрон, 2006). В области анализа конкретных языковых механизмов мы опирались на работы таких представителей критического анализа дискурса, как Р. Водак (2006) и Т. ван Дейк (2013), а также на исследования по лингвокультурологии (Самситова, 2015, Самситова, 2013).

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в учебном процессе при преподавании лингвокультурологии, социолингвистики и фольклористики. Выявленная дискурсивная картина может лечь в основу исторической реконструкции традиционного сообщества с. Красный Яр на базе местного музея старинной русской песни.

Обсуждение и результаты

Настоящее исследование опирается на ряд научных работ, демонстрирующих эвристический потенциал критического дискурс-анализа (КДА) в различных областях гуманитарного знания. Так, применение трехмерной модели Н. Фэрклоу, которая связывает текст, дискурсивную практику и социальную практику, для изучения политической реальности освещено в работе А. Е. Тетерина (2011).

Значительный блок новейших отечественных работ посвящен применению КДА в сфере политических и цифровых коммуникаций. Адаптацию методологии ван Дейка к особенностям дискурса социальных медиа предлагает Г. Д. Худяков (2024). В свою очередь, Е. А. Новикова и О. Г. Чернявская (2019) рассматривают КДА в качестве ключевого инструмента для исследования виртуальной коммуникации. Перспективы применения КДА в исторических и культурологических исследованиях раскрыты в работах А. С. Бреславского (2011) и Л. М. Михайловой (2024). Таким образом, комплексный обзор литературы подтверждает статус КДА как междисциплинарной исследовательской программы, что обеспечивает достаточную теоретико-методологическую основу для настоящего исследования.

Методология КДА, которую мы применяем, принципиально отказывается от претензии на объективность в позитивистском понимании, ее целью является выход за рамки описания социальных отношений и критическое их осмысление (Fairclough, 1995). Главная задача КДА – выявление того, как через языковые средства легитимируются и воспроизводятся властные отношения и социальное неравенство. Синтез методологий предполагает движение анализа по трем взаимосвязанным уровням, адаптированным к материалу народной песни. Первый уровень – анализ текста, в ходе которого исследуются лингвистические особенности: лексическая выборка (статусная, оценочная, безэквивалентная лексика), модальность, (параллелизмы, повторы, риторические вопросы), метафоры и др. Второй уровень – анализ дискурсивной практики. Он фокусируется на условиях бытования текста: кто, когда, в какой ситуации и для кого его производит, распространяет и потребляет. Для народной песни это означает реконструкцию ситуации исполнения (обряд, праздник, повседневность), состава аудитории (возрастной, гендерный) и коммуникативной функции (ритуальная, социализирующая, рекреативная). Третий уровень – анализ культурного концепта и социальной практики – помещает дискурс в широкий социально-исторический и культурный контекст. На этом уровне выявленные языковые средства интерпретируются как репрезентанты ключевых культурных концептов («власть», «справедливость», «судьба», «разлука»), а дискурсивная практика объясняется как элемент воспроизводства или трансформации социальных структур и символического универсума сообщества (Маслова, 2004). Данный подход позволяет перейти от констатации сюжетов к выявлению глубинных языковых механизмов, с помощью которых в текстах русских народных песен конструируется социальная реальность.

В качестве основного материала для дискурс-анализа нами привлечен корпус текстов, опубликованный в научном издании «В Красном Яре были мы. Русские народные песни села Красный Яр Уфимского района Республики Башкортостан» (2021). Выбор данного источника в качестве эмпирической базы исследования является методологически обоснованным в контексте его репрезентативности и уникального генезиса. Сборник представляет собой результат многолетней систематической работы фольклорных экспедиций, что гарантирует аутентичность и достоверность фиксации текстов.

Исторический контекст села Красный Яр обуславливает особую ценность его песенного наследия для социально-философского анализа. Село, основанное в первой половине XVII века (наиболее раннее упоминание относится к 1618 году) как поселение дворцовых (удельных) крестьян (В Красном Яре..., 2021, с. 7), на протяжении столетий существовало в условиях относительной социальной автономии. Отсутствие крепостной зависимости и специфика хозяйственного уклада способствовали формированию устойчивой и самобытной культурной традиции, минимально подверженной внешней унификации. Именно эта длительная историческая непрерывность делает локальную традицию Красного Яра репрезентативной моделью для реконструкции устойчивых социальных практик.

Ключевым аргументом в пользу выбора именно этого корпуса текстов является их непосредственная связь с существующей исполнительской традицией, персонифицированной в фольклорно-этнографическом ансамбле «Ивушка». Как отмечают составители, участницы ансамбля являются коренными жительницами села, а их репертуар унаследован по прямой линии от матерей и бабушек (В Красном Яре..., 2021, с. 12). Данное обстоятельство указывает на то, что анализируемые тексты представляют собой элемент целостной и функционирующей системы передачи культурного знания. Более того, детальные комментарии к песням, содержащие сведения об исполнительницах и обстоятельствах бытования (В Красном Яре..., 2021, с. 40–42), позволяют рассматривать каждый текст как часть конкретной дискурсивной практики, встроенной в социальный контекст. Привлечение данного корпуса текстов, обладающих документированным «социальным паспортом» и укорененных в устойчивой локальной традиции, предоставляет релевантную эмпирическую базу для применения модели КДА Фэрклоу, связывающей лингвистические особенности текста с дискурсивными и, в конечном счете, широкими социальными практиками.

Анализ материала проводился в соответствии с трехуровневой моделью Н. Фэрклоу, что позволило последовательно связать лингвистические особенности народных песен с их социальным контекстом.

На первом, текстовом, уровне анализа были выявлены и систематизированы языковые средства, конструирующие ключевые культурные концепты в песнях села Красный Яр. Концепт «власть», маркирующий

дискурс патриархальной власти, формируется вокруг ядра статусных номинаций. При исследовании соответствующего кластера выявлено, что в него входят не только лексемы-существительные конкретного и социального характера ('муж', 'свекор', 'закон'), но и характеризующие их прилагательные ('раздонской' (казак), 'молодая' (жонка)), а также глаголы санкционирования и подчинения ('бранил', 'наказывать', 'побуживает', 'велеть'), синтаксические структуры прямого приказа («Встань-ка, невестка, сходи-ка за водой!» – «На зире, зоре») и интериоризированного предписания («Да брани-ка ты меня, муж, во глуху полночь» – «У ключа»). В песне «Ехали казаки» легитимация абсолютной власти мужа достигается через статусную номинацию героя ('раздонской казак') и обезличенное обозначение жены ('жонка молодая'), а также через порядок событий: рефлексия наступает после свершившегося убийства, смещая фокус с осуждения насилия на сожаление о его последствиях. В песне «У ключа» просьба самой жены («Да брани-ка ты меня, муж, во глуху полночь») лингвистически превращает вербальную агрессию в регламентированную, ожидаемую норму, интериоризируя подчинение. Шуточная форма песни «Плетьчка шелкова», с ее ритмизованными повторами и риторическими вопросами, карнавализует и тем самым символически закрепляет практику телесного наказания. Можно сделать вывод о том, что выделенный комплекс языковых средств формирует представление о патриархальной иерархии как неотъемлемом элементе социальной реальности на момент создания и активного исполнения данных песен.

Концепт «судьба» формирует кластер абстракции и фатальности. Анализ кластера выявляет, что в него входят не только лексемы-существительные абстрактного характера ('доля', 'судьба', 'служба'), но и обстоятельственные маркеры обезличенной внешней силы ('Уралу-реки', 'девятнадцатого году', 'со службы дальней') и прилагательное, 'дальней', подчеркивающие непреодолимость, а также глаголы, конкретизирующие сценарий рокового разрыва. Идея неотвратимости воплощается в глагольных формах, фиксирующих действия, подчиненные внешнему принуждению: принудительное отправление ('отдала' – «мамынька (в)замуж отдала» в «Калине-малине»), вынужденная выдача ('проводила' и (сына) 'атдала' в «Пропели мелки пташки»). Семантика необратимости и свершившейся утраты передается глаголами совершенного вида, констатирующими фатальный факт (нарушила, убили, схоронили), а также риторическим императивом 'признай', требующим подтверждения гибели близких. *Выявленные языковые паттерны демонстрируют, как через абстрактную лексику и метафоры травматический коллективный опыт осмысливается как фатальная данность, что снимает с общины ответственность за его причину.*

Благодаря оппозиции концептов «свой» – «чужой» структурируется социальное пространство общины, строится на основе кластера бинарных оппозиций, который включает не только антонимичные пары существительных и прилагательных ('богатая' – 'бедна', 'свой' – 'чужой', 'дом' – 'дорога', 'широкая' (долина)), но и контрастные синтаксические конструкции («за стол села» / «на дороге»), а также глаголы и формулы, маркирующие принадлежность или отторжение. К принадлежности отнесены действия и речевые конструкции, интегрирующие индивида в общину или семью: ритуальное *пойти и рассказать* («*Пойдемте-ка, детки, на могилку, / Да расскажем батьке про родинку*» – «*Посеяла хмелю*»), что предполагает общее прошлое и долг памяти; а также глаголы принятия и допуска (*сесть (за стол), ждать (гостей)*). Маркерами отторжения выступают: глаголы и формулы прямого осуждения и исключения (*надарила сраму, не угодила* – «*Посеяла хмелю*»; семантика коммуникативного отказа и разрыва, выраженная через отрицание («*Нет ни хлеба, ни водицы*» – «*Раз полосу Маша жала*»); а также действия, фиксирующие статус изгоя (*идти пешком, стоять на дороге*).

В песне «Посеяла хмелю (Богатая сестра)» социальная дистанция выражается через контраст: «богатая сестра конем едет» / «вдова бедна сестра пешком идет», «за стол села» / «на дороге». Упрек брата прямо связывает бедность («ты пришла, сестра, в сорочине») с ущербом для символического капитала семьи («Надарила сраму всей родине»). В песне «Раз полосу Маша жала» чуждость мира государственной службы миру общины маркируется «лакунарной» семантикой диалога, построенного на отрицании («Нет ни хлеба, ни водицы»), что лингвистически актуализирует непреодолимую коммуникативную границу. Анализ показывает, что социальная стратификация и границы общины лингвистически конструируются через жесткие бинарные оппозиции, что укрепляет внутреннюю солидарность и маркирует внешнюю угрозу.

Переход ко второму уровню (дискурсивная практика) позволил интерпретировать выявленные языковые паттерны в условиях их конкретного бытования. Уникальность анализируемого корпуса заключается в его непосредственной связи с функционирующей исполнительской традицией ансамбля «Ивушка». Этот женский исполнительский контекст кардинально меняет прагматику текстов. Песни, объективно закрепляющие в социальной практике патриархальные нормы или описывающие женскую долю, в условиях их коллективного публичного исполнения женщинами трансформируются. Они превращаются из пассивной трансляции нормы в акт ее коллективного освоения, переживания и символического отстранения, создавая безопасное пространство для вербализации опыта.

Жанрово-ситуативная обусловленность также выступает ключевым параметром. Шуточные, плясовые формы («Плетьчка шелкова», «На зире, зоре») с их ритмичными повторами и игровыми элементами были неотделимы от ситуаций праздника, выполняя функцию социализации и эмоциональной разрядки. Исполнение же баллад или лирических песен о тоске и утрате выполняло функцию ритуального разделения коллективной травмы или эмоции, превращая индивидуальное переживание в разделенное и тем самым отчасти преодоленное.

Исследование дискурсивной практики позволило перейти к динамике социального бытования русских народных песен. Один и тот же текст, будучи встроенным в разные жанрово-ситуативные и социальные рамки, способен менять свою прагматику от воспроизводства нормы к ее коллективному переживанию и символическому преодолению.

Наконец, на третьем уровне анализа (социальная практика) выявленные дискурсивные модели получают объяснение в широком социально-историческом контексте общины Красного Яр, исторически существовавшей в условиях относительной автономии. Дискурс патриархальной власти и социальной стратификации можно интерпретировать как символический инструмент внутренней саморегуляции общины. Дискурс взаимодействия с государством, вербализуемый через абстрактную лексику, отражает способ осмысления травматического опыта столкновения с внешней, неконтролируемой силой. Микродискурсы женской доли, артикулируемые через метафоры, представляют собой компенсаторную социальную практику, создающую легитимный канал для выражения скрытых конфликтов.

В целом, переход к уровню социальной практики раскрыл макросоциальную роль выявленных дискурсивных механизмов. Устойчивые лингвистические паттерны и сценарии исполнения функционируют как система социокультурной адаптации и саморегуляции локальной общины. Песенная традиция предоставляет кодированные, ритуализованные каналы для выражения элементов социальной напряженности и обеспечивает психологическую компенсацию для исполнителей и слушателей – представителей традиционной русской сельской общины с. Красный Яр Уфимского района.

Заключение

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Интеграция трехмерной модели критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу с лингвокультурологическим подходом доказала свою высокую эффективность для изучения локальной песенной традиции. Методология позволила последовательно продемонстрировать, как лингвистические особенности текста (уровень текста) функционируют в конкретных условиях их исполнения и воспроизводства (уровень дискурсивной практики) для поддержания и осмысления широких социальных структур и исторического опыта (уровень социальной практики).

2. Системный анализ корпуса песен села Красный Яр позволил выявить и описать устойчивую систему языковых механизмов, обслуживающих ключевые культурные концепты («власть», «судьба», «свой» – «чужой»). Установлено, что эти концепты вербализуются через специфический лексический выбор, синтаксические конструкции, выражающие иерархию, и метафорические ряды, обеспечивающие опосредованную репрезентацию табуированного опыта.

3. Народная песня может рассматриваться в качестве динамичной лингвокультурной практики, выполняющей двоякую социальную функцию. Через язык и условия его исполнения она участвует в символическом поддержании внутреннего порядка общины и легитимации существующих отношений. Одновременно, через механизмы ритуализации, метафоризации и коллективной перформации, она создает естественное пространство для артикуляции скрытых конфликтов и социальных напряжений, выполняя тем самым роль важнейшего инструмента адаптации и психологической компенсации в рамках традиционного уклада.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится сравнительный лингвокультурологический анализ, нацеленный на сопоставление дискурсивных стратегий и способов вербализации ключевых концептов в песенных традициях различных этнических групп Башкортостана как поликультурного региона, что позволит выявить универсальные и этноспецифические механизмы взаимодействия языка, культуры и социальной структуры.

Материалы исследования | Research materials

1. В Красном Яре были мы. Русские народные песни села Красный Яр Уфимского района Республики Башкортостан / сост. Е. В. Евдокимова, Т. В. Кругляк, А. А. Мухутдинова, И. В. Чванова; нотные расшифровки М. С. Середониной; отв. ред. Е. В. Евдокимова. Уфа: КнигаПринт, 2021.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Изд-е 2-е, стер. М.: Академия, 2004.

Источники | References

1. Бреславский А. С. Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30).
2. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Основы теории символического насилия: фрагменты из книги / пер. с фр. Н. Шматко // Вопросы образования. 2006. № 2.
3. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2006. № 19.
4. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
5. Михайлова Л. М. Перспективы применения критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу в изучении культурных контекстов выставочной деятельности художественного музея // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14-16 ноября 2024 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2024.

6. Новикова Е. А., Чернявская О. Г. Критический дискурс-анализ как инструмент исследования виртуальной коммуникации // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции, Москва, 07 июня 2019 г. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2019. Т. 11 (47). Ч. 2.
7. Самситова Л. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: монография / научн. ред. проф. М. В. Зайнуллин. Уфа: Гилем, 2015.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Изд-е 2-е. М.: Языки русской культуры, 2000.
10. Самситова Л. Х., Ижбаева Г. Р., Әхмәтшина Г. С., Байназарова Г. М., Килмәкова Ә. Н., Ташбулатова Р. М. Башкорт фольклоры концептосфераһы: лингвокультурологик һүзлек. Өфө, 2013.
11. Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н. Фэркло) // Полис. Политические исследования. 2011. № 5.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010.
13. Худяков Г. Д. Особенности применения критического дискурс-анализа при изучении текстовых сообщений в российских политических телеграм-чатах // Климатическая политика и низкоуглеродная экономика. Менеджмент. Социология. Экономика: материалы 62-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17-23 апреля 2024 г. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2024.
14. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. Harlow, 1995.

Финансирование | Funding

RU

Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Современное языковое пространство Республики Башкортостан в аспекте полилингвизма и постграмотности», выполняемой на базе Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан в 2026 г.

EN

The publication was prepared within the framework of the research project “Modern Linguistic Space of the Republic of Bashkortostan in the Aspect of Multilingualism and Post-literacy”, carried out at the Institute for Strategic Studies of Bashkortostan Academy of Sciences in 2026.

Информация об авторах | Author information

RU

Кобыскан Александр Степанович¹, к. филол. н.
Самситова Луиза Хамзиновна², д. филол. н.
^{1,2} Академия наук Республики Башкортостан

EN

Alexandr Stepanovich Kobyskan¹, PhD
Luisa Khamzinovna Samsitova², Dr
^{1,2} Bashkortostan Academy of Sciences

¹ sgtpepper1989@yandex.ru, ² luiza_sam@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.12.2025; опубликовано online (published online): 21.01.2026.

Ключевые слова (keywords): дискурс патриархальной власти; культурный концепт; локальная русская песенная традиция; народные песни села Красный Яр; фольклорный текст; discourse of patriarchal power; cultural concept; local Russian song tradition; folk songs of the village of Krasny Yar; folklore text.